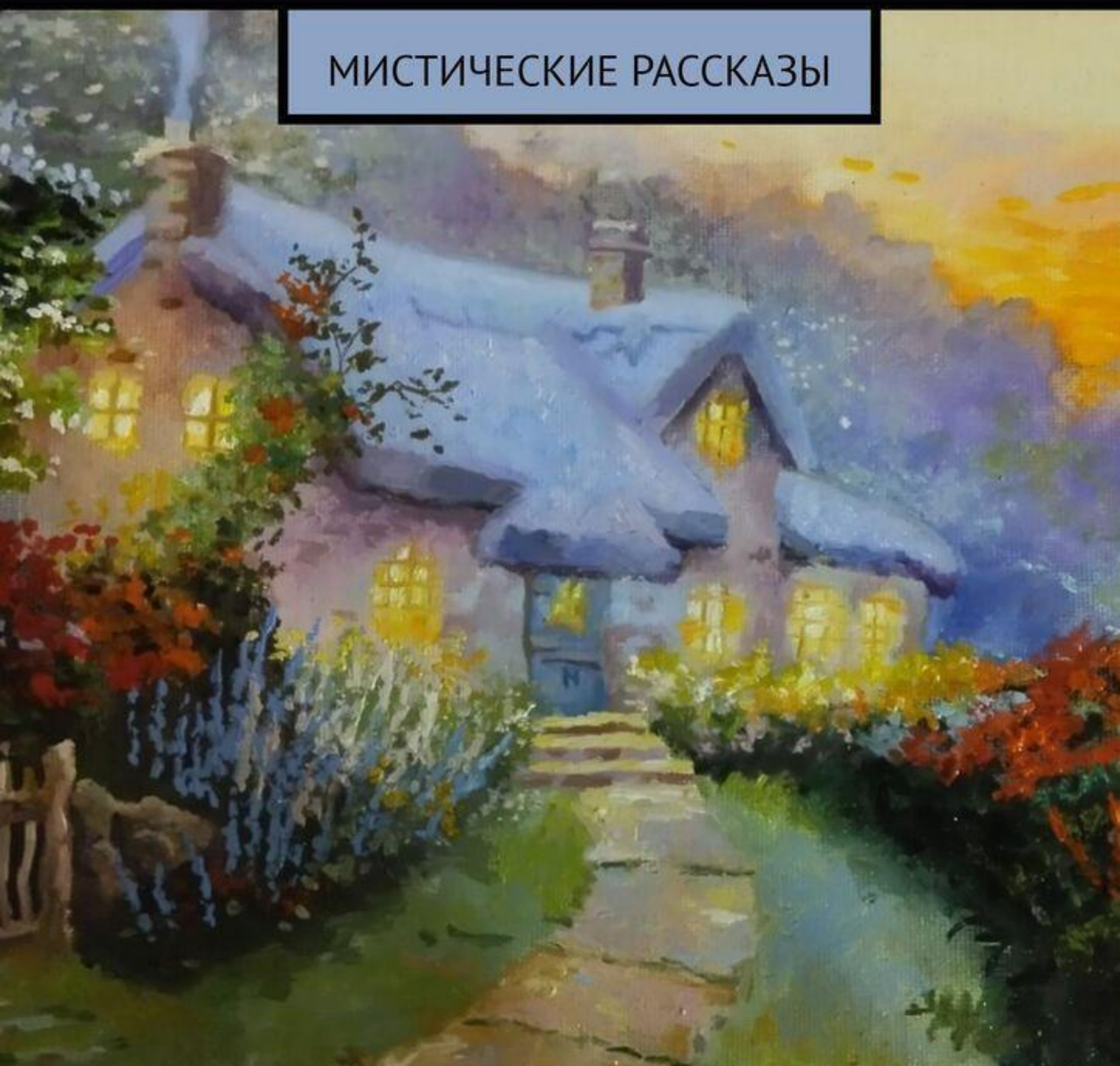

18+

ЛАРИСА КАРНАШ

Между небом и бездной

МИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Лариса Карнаш

**Между небом и бездной.
Мистические рассказы**

«Издательские решения»

Карнаш Л.

Между небом и бездной. Мистические рассказы / Л. Карнаш —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-645424-8

В сборник вошли рассказы, которые захватят ваше внимание с первой минуты чтения... В жизни каждого из нас иногда происходят странные и совершенно мистические события, которые очень сложно объяснить. Сталкиваясь с тёмными силами, важно помнить, что добро всегда побеждает любое зло...

ISBN 978-5-00-645424-8

© Карнаш Л.
© Издательские решения

Содержание

МЕЖДУ НЕБОМ И БЕЗДНОЙ...	6
БЕЗРОДНАЯ МОГИЛКА	7
ПУСТЬ УВИДИТ	11
ВЕСНУШКА ИЛИ СТРАННАЯ ИСТОРИЯ С ПОЕЗДОМ	15
БАБА НЮСЯ	19
КАК БЕС К БАБЕ КЛАВЕ ЯВИЛСЯ	23
МЁРТВЫЕ ПУТЫ	26
МЕЖДУ НЕБОМ И БЕЗДНОЙ...	32
НОЧЬ В ПРИЗРАЧНОМ ПОМЕСТЬЕ	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Между небом и бездной Мистические рассказы

Лариса Карнаш

Иллюстратор Мария Алексеевна Карнаш

© Лариса Карнаш, 2026

© Мария Алексеевна Карнаш, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0064-5424-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МЕЖДУ НЕБОМ И БЕЗДНОЙ...

БЕЗРОДНАЯ МОГИЛКА

— Бабань, а бабань?

Мальчишка лет семи бегал кругами вокруг седовласой, чуть полноватой старушки с добрыми, на удивление ясными голубыми глазами.

— Нукось, хватить бегать то, заполошной...

— Баб, а мы куда идём?

— На кладбишшу...

— А зачем?

— Паска скоро, великий праздник! Надо прибрать могилки-то, чтобы и тама усё красиво было...

— А зачем?

— А ето чтобы наши родненькие на нас не обижалися. Вот. Значить, чтобы знали, что помнють их.

— А кто там, бабань?

— Мама тама моя, и деда твой, Иван, — старушка перекрестилась, — царствия им Небесного...

— А я не помню...

— Ды куды тама, — она горестно взмахнула рукой, — тебе ишло и у помине то не было, как тебе помнить то... А тятя мой, тот у сорок втором сгинул... Иде-то у Крыму головушку сложил... И братка Петя тожа, под Сталинградом лежить, бедненький...

Они приблизились к старому, заросшему травой деревенскому погосту. Само кладбище расположилось на небольшом пригорке, за которым под утренним солнцем, поблёскивает своими спокойными водами небольшое, поросшее по краям камышом, озерцо. Шумы от проходящей мимо трассы почти не слышны. Здесь царит покой, изредка нарушаемый чиканьем просянки, да кряканьем чирков на озере.

— Баб, гляди, — малыш указал пальцем в чистое, голубое небо, — гляди...

Баба Нюра задрала голову вверх.

— Ааа, ет степной орлик, Тимоша...

— Большой какой!

— Дааа, хищник! Добычу высматриваить.

— Кого, бабань?

— Мышек-полёвок, сусликов... Разнаю живностью...

Тимка погрозил кулаком: « Уууух, лети отседова, хышник! »... Старушка открыла давно выцветшую, местами с облупленной краской, скрипучую калитку.

— Ну усё... Пришли...

Широко перекрестилась и повернулась к малышу.

— Воона, тама, мамка моя, лежить, горемышняя.

Они двинулись к могилке по узенькой заросшей тропочке. Остановились у могилки с выкрашенным крестом в изголовье. Кое-где, за осень успела прорасти трава, щедро поливаемая дождями, вымахала в человеческий рост. И высушенная зимней стужей, так и осталась торчать здесь огромными, нелепыми бодыльями... А кое-где, обогреваемая весенним солнышком, начала проклёвываться и свежая зеленеющая поросль.

— Ну, здравствуйтя, мои хорошаи... Как вы тут... Лежитя... А мы вот, — она кивнула в сторону маленького внука, — с Тимошай, убратся пришли...

Она снова перекрестилась и принялась за дело. Через некоторое время могилка уже сияла чистотой, украшенная, как пасхальное яйцо, свеженасыпанным беляньким песочком, набраным на кургане, неподалёку от озера...

— Усё, Тима. Теперя к деды пойдём. Припозднились мы с тобой. Усе уж почти убрались, одни мы остались... Могилка бабы Нюрино мужа была «современной», с высоким, засыпанным песком, надгробием из нержавейки и металлическим, выкрашенным серебрянкой крестом. С привинченной фотографии весело улыбался Тимошин деда Ваня.

— Баб, а деда радуется, что мы пришли?

— А то, как не радоваться. Эх, от ба он тебе хоть разик увидал ба, при жизни то...

Она нагнулась к могилке и начала свою работу.

— Бабань...

— Аюшки?

— А это чья могилка?, — он указал на заросшую бурьяном одинокую могилку с покосившимся набок деревянным серым крестом.

— Энта, — она махнула головой, — дык соседка моя, баба Дуня, царство ей Небесное, хорошая была, добрая. У войну у ней уся семья погибла, сыны — на фронти, а дед ейнай апосля вернулси весь как есть изранинай, и помяр ускоря... Одна она остальсыя... Безродныя могилка то... Вот я и убираюся тута. Чё жа, жалко... Можа и тятэ с Петюней хто приберёт, глядишь...

— Страшно, баба...

— Чего?

— Одной то совсем...

— Дааа... Ты, Тима, дёргай то травочку у ней, дёргай.

Малыш усердно начал дёргать с трудом поддающиеся былины с могилы неизвестной ему старушки.

— Молодец, унучек, молодец! От... Бабани не будить, так ты не забывай... К мине то придёшь?

— Приду, бабань... И к бабе Дуне приду... А когда тебя не будет?

— Дык, хто знаить...

— Ты, бабань долго живи, а то с кем я то буду, а?

— Ладна, поживу ишшо...

Они убрали, украсили могилку деда и одинокую могилу бабы Дуси, подкрасили крестики и двинулись домой...

«Какой унучок у тибэ, Иван, хорошай, ласкавый», — с улыбкой на добром лице проговорила Евдокия...

— Это да, — улыбнулся Иван, — хорош, казачонок!

— Дай Бог им здоровья... Если ба не твоя Нюра... Совсем мине забыли ба усе...

— Дааа... Нюрка моя Человек...

Пронеслись теплые, напоённые запахами свежей зелени, весенние денёчки. Наступило изнуряющее, жаркое лето... Как-то, вечером, Баба Нюра сидела на лавочке у забора и лузгала семечки. Тишина вокруг... Сверчки застрекотали, запели, оповещая о наступлении вечера... Нежный ветерок с Дона подул на разгорячённую землю, остужая ее и принося, наконец, с собой долгожданную прохладу. Мысли унесли ее в прожитые годы, в воспоминания — хорошие и не очень... Такова уж наша жизнь... Старушка вздохнула. Задумалась: «Летять годики»... Будто вот только вчера... Только вот, недавно, Нюра ещё молоденькой девчонкой вальсировала со своим Ваней, и вся жизнь была ещё впереди... А сегодня, маленький внучек уже называет тебя бабаня, а дети уже давным-давно — взрослые...

— Охохонюшки...

Вдруг, прямо над её ухом прозвучал голос: «Ты, Нюра, за внуком то пригляди»...

Старушка осмотрелась. Рядом никого...

— Господи, спаси, сохрани и помилуй... Чё ет, а? Кто тута?

Тишина...

Она поднялась, прошла в комнату, где спал Тимоша. Малыш мирно сопел, видя уже десятый, наверное, сон... Она перекрестила его и потихоньку пошла ложиться...

Утром, на рассвете она поднялась, тихонько помолилась и пошла на баз, управляться. А Тимоша, услышал под окном слабый свист десятилетнего Федунa, с которым ещё с вечера договорился о том, что с утра тот возьмёт его на рыбалку в обмен на красную, алюминиевую модельную машинку с открывающимися дверцами. Парнишка встал, быстро оделся и вышел на улицу. Машинку, конечно было жалко отдавать. Но Тимоша так хотел на настоящую рыбалку...

Старушка пошла в летнюю кухню. Решила побаловать внука аппетитными варениками с черешней. Замесила тесто... Вышла и направилась в сад, озарённый нежным, утренним солнечным светом, к дереву, манящему своими яркими, сочными плодами, которые призывно покачивались среди крупных, зелёных листьев. О ногу её потёрся Пушок. Кот замурлыкал.

— Чё, идол... Иде таскалси усю ночь, а? Есть охота, да? Чего, мышку не поймал, сорванец!

Она подняла глаза и обомлела от неожиданности. Прямо перед ней стояла, будто живая, баба Дуня.

— Господи Иисусе! Свят, свят... Ты ли?

— Я, Нюра, я...

— Как эт, а? Ты жа уроди померла... Иль эт я померла, что ля...

— Некода мне болтать, Нюра. Я без спросу тута. Тама твой фулюган сичас потонить, бежи шибко на речку, тама он...

Призрак бабульки растворился в воздухе, будто её и не было... Баба Нюра не поверила своим глазам. Она тряхнула головой.

— Неужто я того, — подумала она, — из ума выжила, видится всякое...

Но, очнувшись от наваждения, побежала что есть мочи к дому. Там она обнаружила пустую постель. Позвала... Ей никто не ответил. Вышла на улицу.

— Тимоша, иде ты?

Тишина... Старушка побежала к речке. Там, прямо посередине реки, рядом с наполовину сдутой автомобильной камерой от трактора «Белорус» барахтались два перепуганных до смерти пацанёнка.

— Сичас, сичас, Тимоша, держися... Она бросилась в воду не раздумывая. Нюра не думала, доплывёт ли, хватит ли у неё силёнок, просто плыла и плыла... Помог проходивший мимо односельчанин. Мальчишки были спасены...

Долго ещё в семье вспоминали тот случай. Это было воистину чудесное спасение... С тех самых пор, могилка бабы Дуси стала для этой семьи самой, что ни на есть, родной...

ПУСТЬ УВИДИТ

Машинист тепловоза нажал на тифон и по всей округе разлетелся громкий, раскатистый гудок, оповещающий о своём прибытии всех жителей близлежащих домов. Электричка, ненадолго остановилась и двинулась дальше, рассекая осенний утренний туман, покрывший белой, непроглядной дымкой всё вокруг — и раскинувшийся до самого горизонта вековой лес, и небольшой пригородный посёлок, и станцию при нём, на которую она и прибыла. У Гали чаще забило сердечко. Это он, её Андрюша наверное управляет этой машиной... Скоро сменится и приедет. «Какая же я счастливая!», — подумала девушка и натянула тёплое одеяло к самому подбородку. Но заснуть уже не смогла. Мечты закружили двадцатилетнюю девушку в свой волшебный хоровод.

— Вот справим свадьбу, — мысленно рассуждала она, прикрыв свои огромные синие глазницы, — и я перееду к Андрюшке... Скорее бы... Девушка погладила чуть располневший живот: «Он ещё не знает... Никто не знает»...

В комнату заглянула мама.

— Хорош спать, кобыляка. Делов полно. В саду листву собрать надо. Поднимайся!

— Ну ма...

— Давай, давай. Хорошо устроилась тут. Я вам чего, двужильная! Все на мне! Достали!

— Вот выйду за Андрея, уйду от тебя, пожалеешь ещё!

— Ага, пожалею, как же! Скорей бы уж от тебя избавиться... Вся в папашу, лентяйка.

Галя тяжело вздохнула.

— Вот Таньке ты так не говоришь!

— Таня ещё маленькая!

— Ну ничего себе, маленькая, пятнадцать лет, если что!

— Да закрой уже ты свой рот и иди работать! Научилась только хвостом крутить.

Галя тяжело вздохнула и поднялась с постели...

Не успела она одеться, как вдруг зазвонил её старенький смартфон. На экране появился незнакомый номер.

— Алло...

— Здравствуй, Галя.

— Здравствуйте. А Вы кто?

— Ты меня не знаешь. Меня Ольга зовут. Да и я о тебе узнала недавно. Андрей смску стереть забыл...

— Что Вы хотите то?!

— А хочу я, чтобы ты от моей семьи отвязалась, крыса ты, бессовестная!

— От какой ещё семьи?

— От нашей с Андреем семьи. Ты дурочку то не включай! Смотри, короче я тебя предупредила! Будешь лезть, пожалеешь, поняла!

— Да Вы чего! Нет у Андрюши никакой жены!

— Андрюши, — язвительно передразнила её собеседница, — кобелина он, а не Андрюша. Ты думаешь, первая у него? Смешно! Таких как ты у него на каждой станции. Так что подумай... У нас дитё растёт. И расписаны мы... Отстань, короче...

Женщина бросила трубку. Галя ошарашено смотрела в стену невидящими глазами, не понимая, как ей то теперь быть. Весь мир, все её мечты были разрушены в одночасье.

— Господи, как мне то... А мой малыш... Так вот почему он не спешил знакомить меня с родителями, и встречи в этом заброшенном домишке, и его смены внеочередные...

Сердце девушки выпрыгивало из груди. Оно не хотело верить... Она схватила телефон и набрала до боли знакомый номер.

— Алло...

— Андрей, здравствуй.

— Привет...

— Мне сейчас звонила какая-то Ольга. Сказала, что она твоя жена...

— И?

— Что и? Ты правда женат?

Андрей тяжело вздохнул, набрал побольше воздуха и выпалил: «Ну, женат, получается».

— Ты обманул меня. Зачем? За что!

— Ну, обманул...

— Подонки, свиньи... Я же... Ты, — слёзы душили её, — говорил... Пожеенимся... Я же верила... И... ребёночек у нас будет...

— А вот это не надо на меня вешать! Поняла!

— Что же мне...

— Да что хочешь, — он повысил голос, — хоть аборт, а хочешь сама расти, твоё дело...

— Да как ты...

— Короче, иди ты... куда подальше. Всё. Кончено...

Галя поднялась, вышла на улицу, подошла к копошащейся около грядок матери. Та подняла голову: «Явилась, наконец, помощница».

— Мам...

— Ну?

— Андрей женат.

— Не поняла... Как это?

— Жена его позвонила. И потом он сознался.

— Вот же гадина. А ты, дурища, чем думала! Нашла, идеального, идиотка!

— Маам, — девушка не сдерживала рыданий, — хватит...

— Хватит... Задрать бы тебе юбку, да всыпать хороших люлей, скажи спасибо ещё в подоле не принесла! А то бы я тебя вмиг выставила, вместе с ублюдком!

Галя пошатнулась, как от пощёчины. И не видя ничего перед глазами, не разбирая дороги выбежала на улицу. Она шла и шла, погружённая в свои мысли, пока не оказалась на окраине посёлка. У самой кромки леса стояла старенькая, полуразвалившаяся избушка, их тайное убежище. Здесь они провели с Андреем немало счастливых минут. Это был дом Андрюшиного деда, давным-давно нежилой, опустевший после его смерти. Здесь они мечтали построить новый, современный дом. Здесь жили бы их дети... Всё оказалось враньём... Ложью...

Она прошла через калитку, подошла к крыльцу, достала из-под оторванной растрескавшейся дощечки ключ. Входная дверь скрипнула и подалась. Потом долго сидела на старенькой железной кровати. Плакала. И только два грациозных рыжеватых оленя с сочувствием смотрели на несчастную девушку с висящего около кровати старомодного коврика...

— Всё, всё ты сломал, — вслух проговорила она, — и ничего теперь не исправить, и мама... Она заревела в голос, схватившись руками за голову... Потом встала, подошла к старенькому лакированному шифоньеру, нашла там какой-то поясок... Осмотрелась в поисках подходящего места.

— Зачем мне такая жизнь, — думалось девушке, — все равно я никому не нужна, совсем никому... Лёгкий ветерок пробежал по её волосам. Будто кто-то невидимый погладил её по голове... Она уже почти решила на самое страшное, как вдруг, неожиданно на Галю навалилась какая-то усталость. Ей очень захотелось прилечь. Она опустилась на кровать и заснула. Рядом стояли два прекрасных светловолосых юных ликом Ангела в белых, расшитых золотом одеждах. За плечами каждого из них сверкали и переливались неземным жемчужным светом самые настоящие крылья. Один из них убрал руку с головы девушки.

— Пусть поспит... Намаялась...

— Пусть... И малышу будет спокойнее...

— Ну, тебе виднее. За него ты в ответе.

Второй Ангел кивнул: «Да, я должен его уберечь»...

— Может не надо ей это показывать, а?

— Нет... Пусть увидит...

Галия увидела себя и Андрея будто со стороны... Будто бы смотрела какое-то чудное кино... Это был странный и страшный сон... Она видела, как прошла дождливая, промозглая и слякотная осень, отыграли свои заунывные песни зимние метели и наконец, в свои права вступила, радуя честной народ первыми лучами яркого солнышка долгожданная весна. И наконец то, ей позволено было выйти из этого, уже ненавистного, дома...

А Андрей, уже давно забывший о своём очередном увлечении, уже две недели как «окучивал» новую пассиву. И потихоньку от жены, решил проведать дедов домик, привести, так сказать, в порядок. Вечерело... Он вышел на станции и медленно шел вдоль железнодорожного полотна. Так короче. И безопаснее. Боялся встретить старых знакомых. Мало ли... Вдруг, вдалеке перед ним, словно из ниоткуда возникла фигура женщины. Андрей присмотрелся: «Неужели она?... Ведь говорили, что она пропала, даже в полицию вызывали»... Она стояла неподвижно и смотрела своими бездонными глазницами прямо на него. Андрей даже растерялся немного. Потом, взяв себя в руки, улыбнулся.

— Привет! Сколько лет, сколько зим!

— Одна...

— Чего?

— Зима одна...

— А ты не изменилась...

— Конечно...

— А я вот... В дом приехал. Прибраться, то да сё... А ты говорят пропадала...

— Нет... Я там...

— Не понял. Где?

— В доме...

Он широко улыбнулся: «Так чего, может проведаете меня то, а?»

Она пожала плечами и пошла рядом...

— Эх, Галчонок, хорошие были деньки-то, а? — он приобнял девушку за плечи, — чего-то ты холодная такая, замёрзла?

— Да... Холодно мне... Никак не могу согреться...

Когда они подошли к дому, сумерки уже сгустились настолько, что уже ничего не было видно на расстоянии вытянутой руки. Андрей пощёлкал выключателем: «Опаньки, света нет».

— Ну, ничего, погоди, сейчас. Найду свечи, устроим ужин при свечах. Романтик...

Он засмеялся. Стал шарить рукой по буфету в поисках свечей. Достал зажигалку. Чиркнул. На какое-то мгновение ему показалось, что на бледном лице Галии нет глаз... Махнул головой, стряхивая наваждение. Наконец, свечи нашлись. Андрей подошёл к столу и зажёл сразу несколько. Небольшая комната осветилась тусклым, рыжеватым светом. Мужчина поднял глаза на Галию. Она всё также стояла неподвижно у стола, рядом с ним. Немигающий взгляд прожигал душу. Он почувствовал, что что то не так. Повернулся к печке.

— Замёрзла, Галчонок. Сейчас печку протопим... Чем то пахнет здесь. Проветрить что ли...

— Не нужно. Мне не холодно...

— Ну, как же, руки то ледяные просто.

Сделал пару шагов к печи. То, что он увидел, повергло мужчину в шок. На крюке, рядом с печкой нелепо болталось полуистлевшее тело... Её тело... На ней было те же модные брючки, тот же свитер и та же самая курточка, что и на стоявшей перед ним Гале... Волосы Андрея

встали дыбом. Немой крик застыл в горле. Его затрясло. Потом он рухнул прямо на грязный дощатый пол, рядом со своей бывшей возлюбленной. И больше не встал... Вернее его тело... Ошарашенный Андрей стоял рядом с призраком Гали, навеки связанной с этим местом... В комнате запахло серой. И уже через мгновение появилось бесовское племя.

— Наш! Наш парниша!

— И эта! Дождалась суженого, — ослабилась заросший седой шерстью морщинистый бес с одним наполовину отбитым рогом, — можем и её забирать!!!

— Уж прожарим мы вас, полюбовнички.

Черти рассмеялись мерзкими голосами...

— А сынок ваш бесёнышем иль упырём некрещёным будет, — ехидно вторил другой, более молодой, с выпученными наружу глазами и слюнявым ртом, — вот потеха!

— Потеха, потеха!

Ангел коснулся лба Гали двумя пальцами. Потом перекрестил.

— Пожалуй, хватит с неё...

Девушка открыла глаза. На улице вовсю сияет солнышко. Его лучи пробрались и в комнату, весело играя на стареньких тюлевых занавесках. Она поднялась с кровати... Тряхнула головой, не в силах сбросить наваждение, гнетущее чувство страха и тревоги от увиденного ею сна. Вдруг, дверь распахнулась и в комнату влетела испуганная мать. Бросилась к Гале. Обняла, прижала к себе. Слезы брызнули из глаз женщины.

— Прости... Прости меня, доченька, прости... Чего ты тут? Мы всю ночь тебя искали.

— Как же догадались, что я тут?

— Так Танюшка сказала. Видела тебя раз, как ты с этим... Летом ещё... В общем, шли вы сюда... Я и бегом...

— Ты, ма, тоже меня прости... Я ведь... Беременная я... А ты как сказала, я думала, — Галя растёрла градом льющиеся слёзы по лицу, — думала, что... Кому я теперь... Нужна...

— Да ты чего! Я ведь так, от глупости ляпнула. Да и не знала... Ты чего... Рази можно дитё... Живой человек, ангелочек, что ты! Сами воспитаем, чай силёнки то есть!

— Мамочка! Прости меня. Я не знала, что женат он, честно!

— Верю, дочка, верю...

— Знаешь, мам, мне здесь такое... Страшное приснилось...

Они долго разговаривали по душам. Галя пересказала свой сон, делилась своими переживаниями, впервые за многие месяцы они стали по настоящему близки...

А неподалёку от них стояли Ангелы и улыбались...

— Спасены!...

ВЕСНУШКА ИЛИ СТРАННАЯ ИСТОРИЯ С ПОЕЗДОМ

Промозглое ноябрьское утро не предвещало ничего хорошего. Я стояла в ожидании на пустом, забытом всеми перроне, окутанном непроглядным туманом, погружённая в свои невесёлые мысли... А чему тут радоваться. Угораздило же меня устроиться на работу в эту тьмутаракань, куда добраться можно только на электричке, которая идёт только в семь утра и пять вечера. И откуда она взялась на мою голову, эта новая директриса... Встанет вечно у входа, на часы смотрит... Каждый раз, будто партизан бежишь, чтобы не попасться ей на глаза. А иначе опоздаешь на электричку и придётся пилить полчаса пешком, а после ещё ехать на разваливающейся маршрутке полтора часа... Лёшка, гад, опять напился, за Маришкино обучение платить скоро, где денег взять... Я тяжело вздохнула и прикрыла на мгновение никак не желающие разлипаться веки. Вдали послышался протяжный гудок приближающегося поезда, укрытого плотной туманной пеленой. Наконец, прорезая сероватую дымку, появилась электричка.

Открылись двери и я, привычно вошла внутрь и села на неудобную, жесткую деревянную скамью.

«Надо же, думала такие вагоны уже не ходят», — подумала я и взглянула на часы. Шесть пятьдесят пять. В голове промелькнуло: «Странно, что-то он сегодня раньше прибыл»... Внутри оказалось холоднее, чем на улице. В не отопленном вагоне стояла странная давящая тишина. Я заглянула в проход между широкими деревянными скамьями. Кондуктора не было видно...

Немногочисленные пассажиры дремали на своих местах. Какая-то старушка, сидящая напротив меня, улыбалась. Глаза её были прикрыты. Она спала, по-детски подложив сухонькую ладошку под бледную, морщинистую щеку. Поезд дернулся и двинулся дальше, мерно постукивая колесами. Я глянула в окно. Ненасытный туман заглотил привычный пейзаж. Пропало все — дома с разноцветными крышами, участки частников, огороженные высокими заборами, холмы с пожухшей травой и глубокую балку с высокими деревьями... За окном клубилась лишь тёмно серая дымка. Старушка открыла глаза и воззрилась на меня удивлённо.

— А ты, дочка, когда села то?

— На Садовой, а что?

— Ничего. Так...

— А Вы так во сне улыбались...

— Мои снились. У меня ведь там дочка, внуки... Скучаю по ним... А я вот тут... Давно уже... Меня баба Нюра звать. Анна, значит. А тебя?

— Лена, — машинально ответила я, — в смысле, давно?

— А сейчас какой год?

— Две тысячи двадцать третий, — удивлённо ответила я, почувствовав, что с бабушкой что-то не так, — а вы куда едете?

— Так никуда, милая. Так вот уж, почитай, с восемьдесят второго катаюсь...

— Не поняла? Вам жить негде?

— Да ты че, милая, у меня такой домик хороший. Был... Знаешь может, на Вишнёвой улице. Дом десять. Муж мой строил, Иван Василич Бурков... А какая там благодать! У меня палисадник летом, ну весь в цветах, — она вытерла повлажневшие глаза, — дочка, Лена и внуки — Марина и Максимка, маленький ещё. Со мной жили... Ваня то мой помер первый... А я уж после... Через пять лет...

Я невольно отшатнулась от неё...

Бабушка сдвинула брови и молча протянув ко мне костлявую руку, тронула мою ладонь. Я от неожиданности одернула свою — её рука была холодна, как лёд.

Она пошамкала губами и прошептала, наклонившись ко мне ближе: «Ты что ли, живая?»

— А какая же? Вы чего говорите то?

— А ты глянь вокруг то.

— И что?

— Мы тут все... Вот... Едем и едем. Кто сколько. Иногда некоторым разрешают сойти... И ты, раз сюда попала, значит тоже... А я вот давно тут. Пробовала не раз выйти. Только всё одно через секунду снова внутри оказывалась... Пока не простят. Или не отмолят. Грешная я, дочка... На работе в должности была. Людей обижала... Как лучше хотела. Своим, дочке, чтобы не хуже других... Эх... Да много чего... И дочка на меня обижалась... Долго рассказывать. Как-нибудь расскажу... А знаешь, так охота булочку, помнишь, такие по пять копеек, веснушки называются... Да... Сейчас бы с молочком...

Она облизнула сухие губы и снова прикрыла глаза...

Я беспомощно начала озираться. Жжёт бабанька. Совсем у бедной старушки крышечку снесло, по всему видно.

— Вы извините, я пойду, кондуктора поищу.

— Так нету тут.

Я встала и пошла по вагону. Стало немного не по себе. Здесь было тихо и как то безжизненно, что ли. Женщина лет сорока, с причёской каре взглянула на меня из под низкой чёлки и тоже почему-то удивлённо спросила: «Вы новенькая?»

— Простите?

— Новенькая, говорю?

Я пожала плечами и прошла до самого тамбура. Там стоял мужчина и грустно всматривался в окно.

— Эх... Много бы отдал, чтобы закурить. А у Вас нет сигаретки?

— Нет. Я не курю.

— Жаль.

— А Вы кондуктора не видели?

— Что Вы. Тут нет кондукторов, — с горечью в голове проговорил он, — тут не нужны они... Какая-то вы, — он с интересом вглядывался в моё лицо, — живая?

— Господи, тут чего, поезд сумасшедших что ли!

— Скорее грешников, ожидающих своей участи...

Истошно завопил гудок паровоза.

— О, кто то новый, или сходить кому-то.

— Хоть бы станции объявляли, не видно ничего. Почему он молчит...

— Так не надо это никому.

— Да, что такое то, куда я попала...

Вдруг, поезд дёрнулся, протяжно зашипел и остановился. Двери плавно разъехались в стороны и меня, будто неведомой силой вытолкнуло на затуманенный перрон. Я шмякнулась прямо на четвереньки. Двери закрылись и поезд тронулся. Встала, потёрла ушибленную коленку, на миг прикрыв глаза. Повернулась. Темнеющие полосы рельс уходят в непроглядный туман. Неподальку проглядывается здание станции Садовая... Я дома... Вдруг появилось то, чего мне не хватало всё это время — звуки. Я услышала, как шуршат колеса машин неподалёку, на дороге. Вот хлопнула дверца подъехавшей к остановке маршрутки, каркнула ворона. Через мгновение зловещий туман стал отступать, возвращая и меня в реальную жизнь...

Я побежала домой, терзаемая одной лишь мыслью, а вдруг и я... И со мной... Вдруг я умерла?...

На остановке стояли люди.

— Лен, привет. Чё эт ты так бежишь, забыла чего?

— Забыла... Надо... Домой...

Не говорить же, в самом деле, что со мной случилось... Видят. Значит живая...

Удивлённая дочка смотрела на меня сонными глазами.

— Мам, а ты чего вернулась?

Я подбежала к дочери, обняла её, тёплую, ещё сонную.

— Да что случилось то?

— Ничего. Хорошо как... Я живая, живая, дочь...

— Ну ты, ма, даёшь. Забыла то чего? Телефон?

В открытую форточку донёсся протяжный гудок и знакомый грохот подъезжающей электрички...

— Ну вот, опоздала на электричку.

— Ничего. Я на маршрутке доеду...

Я боялась рассказывать об этом моём происшествии. Ещё сочтут за сумасшедшую... Но мысли о том поезде не давали покоя. Что это было? Я это видела? Или я на мгновение потеряла сознание и мне это всё привиделось?

А потом я вспомнила слова бабушки. И поехала. На Вишнёвую, дом десять. Набравшись смелости, я нажала на звонок около железной калитки. Вышел молодой мужчина.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Вам кого?

— Скажите, здесь жили когда то Бурковы Иван Васильевич и Анна?

— Это моя бабушка.

— А как зовут вашу маму, не Лена случайно?

— Да, — кивнул он головой, — а в чём собственно дело?

— А Вы Максим?

— Да.

— Так что Вы...

— Вам от бабушки привет. Она по вам скучает. И хочет веснушек с молоком...

Парень удивлённо воззрился на меня, потом покачал головой и захлопнул передо мной калитку.

Я развернулась и зашагала восвояси... Через минуту меня догнала грузная женщина в ситцевом халате и накинутой на плечи замшевой куртке.

— Погодите, женщина...

Я остановилась.

— Вы Лена?

— Да. Сын сказал... Мама и правда очень любила эти булочки. А Вы её знали?

— Я познакомилась с ней недавно.

Та отшатнулась от меня и отступила назад.

— Не верите? А вот послушайте...

Я выложила её свою странную историю.

— Хотите верьте, хотите — нет. Но теперь я уверена, что это было наяву. Вот так...

— Верю... И... Спасибо Вам...

— За что?

— Много лет прошло. Поминаем всё реже. На кладбище только на пасху ходим. А надо...

— Надо... Очень надо... Вы простите её...

— За что?

— Она сказала, что обидела Вас...

— Я... Прощаю... Простила...

В этот же день, где-то далеко-далеко, среди густого тумана, на деревянной лавочке, в стылом вагоне сидит довольная старушка и с аппетитом жуёт булку—веснушку и запивает прямо из бутылки вкусным, парным молоком... Поев, она встаёт и движется, покачиваясь под стук колёс к выходу. Дверь открывается. Баба Нюра оглядывается: «Ну, прощайте, товарищи, пора мне»... И выходит на пустой перрон, где её ждёт другая, лучшая жизнь в домике с цветным палисадником и её улыбающийся дед, Иван Василич...

А я на поезда теперь и смотреть боюсь. Ни-ни, на маршрутке езжу. И работу поближе нашла...

БАБА НЮСЯ

Света брела по тёмным улицам родного посёлка. Шла, куда глаза глядят. Как ей быть, что делать теперь, молодая женщина не знала. Она поднялась вверх по проулку на две улицы выше и остановилась у старого, заросшего виноградом, давно заброшенного после смерти бабы Нюси дома, который стоял поодаль, на отшибе. Среди высоких, современных коттеджей, развалюшка смотрелась какой-то избушкой из страшной сказки. Но девушка не боялась. Света выросла здесь, в этом посёлке. Она помнила эту весёлую, жизнерадостную курносую бабульку. Добрая была. Любили её все. Потому и звали, ласково — Нюся... Помогала многим. Кому делом, кому советом. Если кому некуда дитё своё было пристроить, шли к баб Нюсе. Та всех приголубит, накормит и никаких денег, или не приведи, Господи, подношений не возьмёт... Дети её давным-давно жили в городе. А бабулька, дожив свой положенный срок, как то раз упала ничком прямо в только что перекопанную ею же грядку, да так и не поднялась. Померла. Нашли её соседи. Сын быстренько организовал похороны, особо не заморачиваясь обычаями да поминками, за что был дружно осуждаем всеми знавшими старушку соседями. Выставил дом и участок на продажу. Но не тут то было... Никто так и не позарился на этот «дворец». Так и стояла избушка, среди зарослей бурьяна и постепенно вращаясь в землю, вот уже много лет... Но тут уж ничего не попишешь...

Подошла ближе. Села на старенькую, перекошенную лавочку. Обида и боль собравшись тугим, ранящим комком, сковали душу и, не удержавшись внутри, бурным потоком слёз вырвались наружу. Девушка закрыла лицо руками и склонившись, долго рыдала, давая волю этим слезам... Здесь то её никто не услышит...

А плакать ей было над чем... С самого своего детства девчонка не видела родительской ласки. Спившийся отец в пьяном угаре схватился за нож и убил маму, когда девочке было десять... Сам же сгинул в тюрьме... А Свету взяла к себе бабушка. Жили они дружно, хорошо... Только, когда девушке исполнилось восемнадцать, бабули не стало... И осталась она одна одинёшенька на всём белом свете. Тут то и познакомилась она на свою несчастную голову с Валерой. Парень был обходительный, красивый, из хорошей семьи. Стали встречаться. И вскоре, он представил её своим родителям. Те обходились с будущей снохой с прохладцей. Отговаривали жениться на «неблагополучной», однако, свадьба всё же состоялась... Светлана зажмурила глаза. Воспоминания нахлынули с новой силой. Глаза снова наполнились влагой...

— Света, — не терпящим возражений тоном проговорила свекровь, — мы тут посоветовались, и решили, что будем строиться.

— Где?

— Как это где! На твоём участке. Твой домик того и гляди развалится, а участок — хороший, большой. В квартире у нас места мало совсем. Дети пойдут у вас с Валериком, а места нет...

— А деньги где возьмём?

— Квартиру продадим. Поживём пока в доме. А как построимся, дом снесём.

— Ну... Ладно...

Вскоре квартира была продана, работа закипела и к концу лета семья уже въехала в новый дом. Её домик снесли. Будто его и не было... Когда пришла пора оформлять документы, Валера заискивающе произнес: «Свет, давай документы на маму оформим».

— Почему?

— Да какая разница! Ведь всё равно нам всё достанется...

— Но участок то мой!

— Толку то! Мама квартиру продала...

— Ну... Давай... Валер, нас кажется маленький будет...

— С чего ты взяла?, — он опустил голову, — уверена?

— А ты не рад?

— А чего радоваться... Может это... Аборт сделать... Вот на ноги встанем, а?

— Ты чего?, — Света заплакала, — с ума сошёл!

А потом начался настоящий ад... Валеру будто бы подменили. Он стал приходить домой навеселе, буянил. Стал с какой-то ненавистью смотреть на свою молодую жену... Неделию назад он пришёл домой ночью. Света вышла из комнаты.

— Ты что это? Где ты был?!

— Не твоё собачье дело! Навязалась на мою голову! Выглянула свекровь: «А я то думала сынок за ум взялся. Опять!»

— Пошли вы...

— Валер, иди спать...

— Чё? Будешь тут мне указывать в собственном доме...

— Он не только твой.

— У меня есть с кем тут жить, пошла отсюда вон!

Подонки развернулись и неожиданно ударили её ногой. Прямо в живот. Потом было плохо... Малыша не спасли...

Свекры умоляли не писать заявления... По телефону... В больницу к ней так никто и не пришёл... Сегодня Света выписалась. На пороге её встретил Валера.

— Приехала...

— Да.

— Думал не придёшь сюда больше.

— А куда мне идти?

— Ну... Можешь квартиру снять...

— Ты, Света, не обижайся, — вступила в разговор свекровь, — но если на то пошло, все деньги наши вложены. И по документам...

Дальше она не слушала. Выбежала из дома... Так и оказалась здесь. У домика бабы Нюры...

Долго сидела она, глядя в бездонное небо с поблёскивающими на нём россыпями звёзд. Время уж близилось к полуночи. Девушка растерянно огляделась вокруг.

Потом решила. Пробралась сквозь заросшую сорняком калитку. Прошла по еле заметной тропинке к дому. Хлипкая дверь не была закрыта. Вошла. Зажмурилась, чтобы привыкнуть к темноте. Прошла в горницу. Нашупала выключатель. Электричества, конечно же, не было... На кухне, рядом с со старенькой плиткой в тусклом свете луны обнаружила лежащие на столе спички. Зажгла одну. Спичка, слабо осветила комнатку лишь на какое-то мгновение. Увидела

здесь же, рядышком на окне, небольшую керосиновую лампу. Взяла в руки. На дне еще колыхался керосин... Чиркнула спичкой снова, пытаясь поджечь фитиль. Зажглась... Керосинка осветила комнату тусклым светом. Прошла по кухне. Ничего подходящего не нашла. Прошла в комнату. Осмотрелась. Около белёной известью печки валялся пыльный кусок верёвки. Вслух произнесла: «Наконец, то что надо»...

Взяла верёвку в руки. Уселась на железную кровать, которая заскрипела под тяжестью Светиноного тела и снова заревела белугой...

— Бабулечка моя, милая, прости меня... Знаю, что грех это... Только зачем мне жить... Куда я пойду... Ну почему, почему я такая несчастливая... Что я сделала, а?

Вдруг, кровать скрипнула снова. Повеяло холодом. По волосам пробежался небольшой ветерок, будто кто-то погладил девушку по голове.

Света затихла, прислушиваясь. Тишина... Она встала, прошла в середину комнаты. Там, прямо из балки торчал большой крюк с висящим на нём кольцом для люльки. Пододвинула поближе табурет... Вдруг, в тишине прозвучал старушечий голос: «Ты это чаво удумала, девка!»

Света вскрикнула от неожиданности и попятилась.

— Кто тут? Баба, ты?

— Бабушка, ды не твоя...

Прямо перед ней вдруг возник сначала силуэт, а потом, с каждой секундой проявляясь всё чётче, появилась хозяйка дома, баба Нюся. У девушки от страха задрожали ноги.

— Не бойси, дитё. Я тебе не обижу...

— Баб Нюсь, это чё, и правда ты?

— Я, дитё, я...

— Ты ж умерла?

— А то! Померла. Только вот, сыночек мой, басамыка, не схоронил как положено то... Отпеть и то не удосуужилси, ирод... И усё... От и маюся тута... Устала уже, к мамке охота, к тятё, и дочка, Оленька ждётся, а я усё тута...

— Бедная...

— А ты чё жа, повешаться удумала, чё ли?

— Да я...

— Вижу, не от радысти ты сюды явилыся... Ну... Расскавай... Можя помогу чем.

Светка рассказала все как есть, без утайки. Та слушала, не прерывая. Потом утёрла слёзы и тихо произнесла: «Бедная детина, я ить, тожа так, бывалыча, хотела... Муж, как у тебе, буяном был, а свекруха, та усё за нево мене винила. Ну, я и кинулыся у снег. Думала замёрзну и усё»...

— А потом?

— Нашли мене... Еля живую...

— Ушла я от их... И хорошо. От совхоза комнатёнку дали. Потом за Петю вышла... От... Ты, дите, тута поживи покудова. Ты мене, можя, помогёшь, а я то, уж тебе.

— А сын твой, баб Нюсь, не прогонит меня?

— Нее. Точно гутарю, Светынька, не прогонит. Эт уж я пособию.

— А как тебе помочь?

— Отпеть надоть мене, дочка. Я ить чё, уйтить не могу. К батюшке сходи. Он усё тебе исделаит как нада... Ты, дитё, ложися, поспи тута...

Свету и правда сморило. Она опустила отяжелевшую голову на кровать и заснула. Утром она никак не могла сообразить, сон то был, или явь. Однако, привела в порядок на удивление сохранившееся жилище старушки и к вечеру двинулась напрямик в храм. Заказала отпевание, сорокоуст, подала за упокой души рабы Божией Анны милостыньку и на поминальный стол положила пару ароматных булочек. После отпевания поехала на кладбище, чтобы высыпать

землицу на бабьиную могилку. Уже войдя на территорию кладбища, вдруг поняла, что не знает, где она похоронена.

Вслух произнесла: «Баба Нюся, а куда идти то?» Подняла глаза и увидела красивую белую голубку, сидящую на берёзке неподалёку. Прошла вперёд. И ахнула. Под деревом была могилка бабы Нюси. С фотографии, привинченной к металлическому кресту на неё смотрели добрые глаза бабульки. Помолилась. Высыпала землю.

— Покойся с миром теперь, моя хорошая.

Вернулась в домик старушки. Снова переночевала там... А утром, едва она собралась на работу, как вдруг услышала скрип калитки. Испуганная девушка вышла во двор.

Молодой, широкоплечий парень с добрыми, похожими на бабы Нюсины, голубыми глазами, смотрел на неё удивлённо.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. А Вы кто и что тут делаете?

— Я... Понимаете... Трудно объяснить... В общем, мне баба Нюся разрешила...

— Не понял. Бабы уж сколько лет нет. Рассказывай, — он перешел на ты, — я не спешу. И Света начала свой невесёлый рассказ... Когда она замолчала, парень тряхнул головой.

— Ох и твари твои родственнички...

— Я уйду... Придумаю что-нибудь. Вы простите меня.

— Да нет. Живи, конечно. Тут, если подшаманить домок, можно жить. Я помогу. Сделаем...

Знаешь, — он на мгновение замолк, раздумывая говорить или нет, — я ведь не просто так приехал-то... Мне ведь бабана приснилась. Так явственно, как живую увидел. Говорит, ты Миша, должен ко мне прийти, домой... Он улыбнулся. Скучаю по ней очень... Любила меня она... И я её... Хоть и пацан был совсем ещё, когда её не стало...

В это мгновение глаза молодых людей встретились. Что-то произошло. Что-то, что мы называем провидением, судьбой. Это было первое мгновение зарождающейся любви. Такой, которая бывает только раз в жизни, и такой, которая на всю жизнь... Впереди их ожидало много счастливых дней...

А рядышком, невидимая молодыми людьми, стояла и улыбалась баба Нюся...

— Вот и славна то как! И хорошо, любо... И мне теперь пора идти...

Впереди её, наконец-то, ждала вечность с родными и так любимыми ею мамкой, тятьей, Петей и дочкой, Оленькой...

КАК БЕС К БАБЕ КЛАВЕ ЯВИЛСЯ

Солнечный луч, пробрался сквозь занавешенное оконце и нежно коснулся закрытых глаз спящей тщедушной старушки. Она лежала на боку, положив под голову сухонькие ладони... Подушка под её головой была ещё влажной. Заснула только под утро. Плакала до самого рассвета. И только под утро её сморила усталость...

Ей снилась она, Лизонька. Она была молодая, красивая. Улыбаясь, дочь подошла к матери и поцеловала в морщинистую щёку.

— Ты, мам, не плачь. Мне тут хорошо, я со своими, смотри.

За её спиной, и правда стояла погибшие внучки, зять и бабушка...

— А мне как жить теперь. И сил-то нет, и желании. Забрала ба мне к себе, доча, а?

— Не время... Ты только не верь... Это не я, мам!!!

Вдруг старушка проснулась. Она открыла глаза. Часто заморгала. Глаза снова наполнились влагой...

У бабы Клавы случилась беда. На прошлой неделе померла её единственная опора и надежда, её доченька. Так уж вышло, что на старости лет остались они вдвоём на всём белом свете. А теперь вот и вовсе... Одиночество... Она снова утонула в воспоминаниях и в своём горе... Муж еще в Великую Отечественную на фронте сгинул. Пропал без вести. Замуж она больше не пошла, хоть и звал Петро Самойлов. Только вот не могла она представить даже другого рядом с собой. Всё ждала своего Ивана... Так и состарилась незаметно... Одна радость — доченька... Растила её как умела. В институте, не чета другим, выучила. Когда замуж отдала, нарадоваться не могла. Зять ей достался ей хороший, рукастый. Внучок родился, Славик, потом внучка, Олечка... А потом беда... Пожар случился. Зятьёк с внучатами не выжили. А Лиза на дежурстве как раз была.. Лиза-то, к матери и переехала тогда... А теперь вот... Даже и в страшном сне не могла несчастная мать представить себе, что ей, старухе, придется хоронить свое единственное дитя... А тут от горя стало её видеться всякое...

Её раздумья прервал стук в окошко. Баба Клава с трудом поднялась, надела старенький, выцветший ещё лет пять назад халат прямо на ночнушку и двинулась к выходу... Маруся — молодая, шустрая, быстроглазая соседка с утра прибежала проведать старушку. Молодая женщина постояла немного и, подумав, все же решила войти без спроса. Как-никак старушке 83 года, мало ли что может быть...

После залитой солнцем улицы, в доме было сумрачно... «Баба Клава», — позвала она тихонько, боясь испугать. Ей навстречу вышла старушка. Испещрённое морщинами лицо ее было мертвенно — бледное.

— Здравствуй, баб Клава...

— Здравствуй, Марусенька.

— Я, баб Клава, спросить хотела, Может тебе надо чего, ты скажи. Я в город еду.

— Спасибо тебе, дetyнька, — она тяжело вздохнула, — все у мене есть.

— Что-то ты совсем сдала. Давай-ка... Она осеклась... Вздохнула.

— Жить то надо, бабань..

— Надоть, Маруся, надоть. Живой-то, поди, в гроб не ляжешь... Ну, ничо, скоро мене Лизынька моя заберёт к себе.

— Да не убивайся ты так. Живи, бабуля... Судьба такая...

Баба Клава замолчала, раздумывая, говорить Марусе свой секрет, или не стоит. Еще подумает, что она того... Чеканулась... Но желание поделиться с кем-то пересилило. Собравшись с духом, она произнесла: " А ведь она ко мне ночью, Марусь, седни ить приходила..."

Маруся вскинула брови. Она, как человек рациональный, решила, что бабушка-то, по всему видать, того, от горя, с ума сошла...

Она осторожно спросила: " Кто, баб Клава?».

— Доча моя...

— Как приходила?! Во сне?

— Дык, и во сне... Но это уж под утречко...

— А?

Та покачала головой...

— Дык вот... Кому скажи — не поверю. А можа эт я, на старостя лет кукукнулася... Только вот сѣдня ночью, часов так с двенадцати, как ветяр вокруг дому поднялси, и потом стук... У дверь, значитса, стучить... Я к окошку... А тама дочечка моя. Зоветь. Иди, говорить, мама, ко мене... Я ей: " Ты ж померла, донюшка». А она: " Скучаю, мама, без тебе, выйды сюды. А у дом не заходить. Иконы, говорить жгутся»... Соседка ошалело смотрела на бабку. А та продолжала: « И голос не Лизонькин вовсея.. Глухой, как воить будто... И боязно то как стало... Слыхала, бывалоча, в молодости ишшо, старики рассказывали, что нечистыя сила так к себе заманивайт... А тут — дочечка... Побоялася я. Не вышла. А она... Завтри говорить, приду, решайси»... Она смолкла. Слезы градом потекли по впалым, старушечьим щекам... Маруся озадаченно смотрела на соседку, не веря своим ушам. «Ну ты, это, баб Клав, не расстраивайся», — только и смогла произнести женщина.

Весь день она не могла прогнать из головы мысли о несчастной старушке. К вечеру, всё же решила рассказать мужу и матери. Те слушали молча, не перебивая... После рассказа она осторожно спросила: «Как думаете, правда? Или с горя поехала крышечка у бабаныки?».

Мать и муж переглянулись.

— Как сказать, — произнесла Тамара, — слыхала я про такое, но чтобы наяву...

— Вроде и придурью баба Клава не страдала никогда, — мотнул головой Серёга, — давайте поночует с ней. Жаль старушку...

— Тяжело одной-то... С тоски это она...

К вечеру вся компания собралась в доме бабы Клавы, ведя тихую беседу и настороженно прислушиваясь к уличным шорохам... Нежный лунный свет тускло освещал улицу, придавая ещё больше таинственности происходящим в доме событиям...

«Бабань, может ляжешь. Поспать бы тебе», — тихо произнесла Маруся... Старушка не успела ответить, как вдруг, старые настенные часы, которые давным-давно не работали, а висели в хате так, для красоты, пробили полночь... Все вздрогнули от неожиданности. И тут началось невообразимое. На тихой, спокойной до этого улице, что-то засвистело, заскрежетало. Громадная, черная туча закрыла желтеющий диск луны. Ветер зашатал деревья вокруг дома так сильно, что молодая, зеленая листва начала осыпаться на не успевшую остыть от летнего зноя землю...

Маруся нервно сжала руку мужа. В ожидании чего-то страшного, все собрались у небольшого оконца, напряженно вглядываясь в темноту...

Вдруг всё стихло. Появилась луна. В какое-то мгновение, словно из ниоткуда, на крыльце возникла сама Лиза. Она стояла и ухмылялась, глядя сверкающими глазами прямо на них... На ней была именно та одежда, в которой её провожали в последний путь...

«Ооо, соседushки здесь... Не спится вам дома... Ну, чё же, выходите тогда, побеседуем», — глухим голосом произнесла она...

Волосы зашевелились на голове Маруси... Липкий страх сковал движения... Хотелось кричать, но крик застрял в горле... Несчастная мать потянулась к двери... Однако, Сергей твердой рукой остановил ее: «Не ходи, баб Клава. Это не она». Баба Клава судорожно всхлинула. Тот повторил: «Не ходи... Смотри... Внизу... На ноги смотри...»

Старушка перевела взгляд на ноги покойницы и содрогнулась... Вместо ног из-под длинной юбки торчали раздвоенные копыта... Тут, сообразив, что надо делать в таких случаях, Тамара, почти одновременно с Марусей, громко начали произносить молитвы. Только одна

громко читала «Да воскреснет Бог», а другая — «Живые в помощи Вышняго»... А несчастная старушка-мать мелко тряслась рядом с соседом, который поддерживал её, обняв за плечи. Глаза нечисти сверкнули адским огнем... Послышался страшный вопль... На мгновение появилась мерзкая, заросшая шерстью, рогатая морда со свиным пятакom посередине... А уже через секунду она пропала, оставив за собой лишь мерзкий запах тухлых яиц... Не удалось нечисти заполучить чистую душу...

Все потрясённо молчали. Заснуть никому не удалось до самого утра. А утром Серёга двинулся в сельский храм за консультацией... В этот же день молодой священник освятил участок вместе с бабкиной избушкой... Больше бес к бабе Клавде не приходил... А старушка не перекрестивши все стены и углы, и не помолившись спать не ложилась... Как-то ночью, она слышала нежный голос дочери.

— Мама, пора...

Старушка открыла глаза. Что за чудо! Она вдруг оказалась посередине чудесного, зелёного луга, щедро украшенного разноцветными, неестественно крупными, нереальной красоты цветами. Вокруг, над головой летали две бабочки — розовая и голубая. Она присмотрелась и не поверила своим глазам. Навстречу ей, по небольшой тропинке, выходящей посередине луга от опушки леса, идут её родненькие... Первым к ней подошёл улыбающийся Иван. За ним — доченька, внуки, зять... Все они были одного возраста. Молодые... Красивые... Старушка заплакала от счастья: «Как же я скучала!»...

— Теперь мы вместе!

Её нашёл Серёга утром. Уже остывшую... Она лежала в своей постели на боку. Уютно подложив ладошку под щеку и улыбалась...

МЁРТВЫЕ ПУТЫ

На уроке было неестественно тихо для 5 «а». Ещё бы! Сейчас Елена Ивановна будет объявлять оценки за контрольную работу. Женька тяжело вздохнул. Небось опять двойка. «Виденин, правильно вздыхаешь, у тебя два», — язвительно проговорила учительница.

— Я так и думал, Елена Ивановна...

— Что ты думал! Думал он. У тебя думать нечем... Мозгов то нет! А я говорила, надо учиться, а не по подворотням мяч гонять.

— Но я же говорил, Елена Ивановна, что я не понял эту тему.

— Заниматься надо. На дополнительные занятия ходить, как другие ребята.

— Мама сказала, что у неё денег нет.

— Ну, это твои проблемы, Виденин. Вот и неси маме подарочек.

Весь класс засмеялся. А Женька опустил голову и еле сдержался, чтобы не разреветься... Спас его долгожданный звонок.

Домой идти не хотелось. Мальчик медленно брёл по заснеженной улице. Холодный, промозглый декабрьский ветер насквозь продувал его слишком тонкую, не по сезону, курточку. Но, как не оттягивай, час расплаты близится. Отчим небось уже в электронном дневнике всё увидел.

От отчима мальчишке доставалось часто. Иногда за дело. Но чаще, просто так, ни за что. То, что он всё время обзывается, Женька уже привык. А вот что руки распускает, это да, обидно. Опоздал из школы на десять минут — получи леща, порвал рубашку — ремня. А за двойку — будет точно сечь. Такой у него метод воспитания. Когда он был дома, Женька старался на глаза ему не показываться. А тот, как только мальчишка являлся на порог, начинал «воспитывать». От такого воспитания на теле ребёнка частенько появлялись синяки да ссадины. Мать украдкой гладила сына по голове, приговаривая: «Ну, что же, сынок, надо слушаться папку». А какой он ему папка. Папка то его родной, давно умер... На машине разбился... Всё изменилось с тех пор. Когда-то давно, в той, другой жизни, веселая, жизнерадостная женщина, постепенно превратилась в забитое существо, которое уже не пыталось сопротивляться такому поведению новоявленного папаши. Бывало, что и ей доставалось.

С тяжелым сердцем Женя открыл дверь подъезда... Отчим был дома. Как обычно навеселе.

— О, какие люди к нам пожаловали. Заходи, debil. Опоздал на пять минут. Это раз. А ну-ка, посмотрим, чего там у нас?

Отчим демонстративно взял в руки телефон.

— Так-с. А за чё это у нас двойка?

— За контрольную...

— А я вроде тебя предупреждал, что если получишь еще хоть одну двойку, пришибу, придурок. Ты чё, не понял?

— Понял.

— Да не, походу не понял... Ну ничё, ща поймёшь...

Женька отступил на шаг назад. Но это не спасло. Удары огромным солдатским ремнём посыпались на тощее детское тело.

Будешь знать, урод, как двойки получать...

В субботу в гости к внуку заехала бабушка. Мама не любила, когда она приезжала. За глаза всегда называла её ведьмой. Если-бы она знала насколько права... Но приезжала бабуля редко, особенно после смерти её сына, Женькиного отца. Понимала конечно, что здесь её никто не ждёт, кроме внука. Да и жила далековато, за городом, в деревне. Она любила Женьку. И мечтала когда-нибудь приобщить его к своему, так сказать, хобби. А хобби у неё было — то ещё! Бабуля занималась магией. А проще говоря, была потомственной ведьмой. Знали об этом её занятия немногие. А вот чувствовали на себе плоды её трудов почти все жители Садовки...

Увидев стоящую на пороге бабулю, Женька обрадовался.

— Бабуль, привет!

— Здравствуй, мой хороший. Ну, как вы тут поживаете. Она осмотрела цепким взглядом квартиру.

— Нормально.

— Что-то ты, Женья, невесёлый.

— Да не, нормально всё...

Она обняла внука.

— А худущий. Кожа да кости. Что не кормят?

— Кормят, кормят...

— Да я вижу — она со злостью посмотрела на невестку, — смотри у меня... Будешь внука обижать, я тебе задам.

— Кто его обижает. Что Вы, мама...

— Пойдём, мой хороший, я тебе гостинцев привезла...

Оставшись в комнате наедине с внуком, старушка стала расспрашивать его о его житье с новым папашей. Тот замялся, не зная, как поступить. Очень хотелось рассказать, поделиться хоть с кем-то своими обидами, чтобы хоть кто-то пожалел его или просто обнял... Но с другой стороны...

Бабушка поняла всё и без слов.

Она протянула Женьке новую футболку и связанный для него свитер.

— На-ко, примерь, не малы будут.

Женька быстро стянул свою старенькую, изношенную рубашку, чтобы надеть футболку. И тут старушка обомлела. Руки, спина, бока мальчишки были в синяках.

— А теперь рассказывай, что это?

И Женька рассказал всё как есть. Глаза старушки аж засверкали от злости.

«Ну, гад. Ты у меня попляшешь», — загадочно произнесла она...

Мальчишке она ничего не сказала. А через неделю, на выходные, Женьку отправили в деревню, к бабуле. Там он наконец-то смог отвлечься. Вдоволь накатался на санках, поиграл в снежки с соседскими ребятами. Перед самым отъездом бабушка вручила ему в руки небольшую, плотно укутанную в черную бумагу коробочку.

— Ты, внучек, как приедешь, эту коробку раскрой и в подушку отчиму положи то, что там находится.

— А что там, баб?

— То, что его успокоит навсегда. Мёртвые путы это. Верёвочки такие, у покойника взятые. Это отца твоего путы. Вот это прочитаешь, как класть будешь. Руки он на тебя больше точно не поднимет...

Она протянула внуку листок с наговором.

— Ух ты! Ну и ну! Ты, бабуль прям маг!

— А то! Я еще много чего знаю... Ты, внучек, почаще ко мне приезжай, и тебя научу. Будешь жить как король! Всего сможешь добиться, чего только захочешь!

— Приеду...

— Только не потеряй, сразу, как приедешь, сделай. А потом я их заберу. Пригодятся еще...

— Ладно.

Женьке стало как-то не по себе. Но избавиться от побоев отчима очень хотелось...

Приехав домой, мальчик увидел лежащего на диване отчима. Коробку пришлось спрятать в стол, до подходящего случая.

А ночью Женька проснулся от того, что кто-то трясёт его за плечо. Он открыл глаза и вскрикнул от страха. Прямо перед ним, в тусклом свете луны он увидел своего отца. Волосы зашевелились на голове ребёнка. Одновременно было и страшно и хорошо от того, что он видел отца. «Это сон», — промелькнула мысль в голове.

— Это не сон, сынок. Это правда я, твой папка. Ты, Женя, коробку ту не раскрывай, не надо, сына. Бабушка, конечно тебя любит. Но у неё свои цели. А ты душу свою загубишь. Убийцей станешь. Не надо тебе это. Иначе мы с тобой никогда там не встретимся. Станешь плохим человеком... Не надо, сын...

— Пап... Я скучаю, — из глаз мальчишки брызнули слёзы, — плохо без тебя...

— Я тоже скучаю. Но встретимся мы не скоро... Не плачь. Ты же мужик...

Мальчишка вытер рукавом старенькой пижамы слёзы: «Помню, пап. Мужики не плачут»...

— Запомни. Коробку ту сожги на улице. Завтра же. Хорошо?

— Да, пап. Понял...

— А бабушке скажи, чтоб отстала. Поменьше с ней общайся. Её уже не спасёшь. Меня хотела приобщить. Но я против был. Теперь вот тебя подговаривает... Не надо, сына... Грех это большой, понял?

— Да...

Призрак пропал. А Женька так и не понял, что это было — сон или явь... Только утром, схватив коробку и спички и побежал на пустырь за домом... Огонь занялся быстро. Через минуту от бабкиного «подарка» не осталось и следа...

Через час она позвонила.

— Ну, что, внучок, сделал?

— Нет, баб, я сжег ее. Не хочу я таким заниматься. И папка сказал...

— Старуха мгновенно всё поняла и положила трубку: «И этот туда же... Глупцы»...

Прошло уже много времени, и Женька всё никак не мог взять в толк, что же произошло с отчимом. Ведь с той самой ночи, тот ни разу не поднял на него руку. И даже ни разу никак не обозвал...

А случилось то, что в ту самую ночь его папка навестил и отчима... Через два месяца тот собрал свои вещи и ушёл... Мама повеселела, учёба стала даваться легче... Жизнь Женьки налаживалась...

После того ночного происшествия, парнишка осознал многое. Понял, что он не один, и что в трудную минуту отец поможет даже с того света... Однако легче от этого не становилось. Мама работала целыми днями. А в выходные не больно то интересовалась, что там у него на душе. Иногда было по-настоящему одиноко... А папка больше не приходил... Даже во снах...

Приближались январские каникулы. Мать вошла в комнату сына тихо произнесла: «Женя, сына, может к бабуле на каникулы поедешь?»

— Да ну её... У неё крыша поехала на колдовстве... Всё что-то нащёптывает, узелочки какие-то навязывает... И вообще, чё я там в её деревне делать буду... Интернета нету у неё...

— Сынок. Что ты какие-то глупости говоришь! С бабушкой дружить надо. Она тебя любит. Причем тут это? — Не капризничай. У меня дел по горло... Не до тебя будет... Ладно тебе, сына, съезди...

Женьку старушка действительно любила. Мечтала когда-нибудь приобщить к своему ремеслу, раз уж сына не удалось. А ремесло у бабы Мани было ещё то! Бабуля действительно могла многое. Старуха, во что бы то ни стало, решила передать свой дар внуку. Она считала, что внук идеально подходит для преемника...

Хотя, конечно, сноха о чём-то догадывается. Однако, меньше знаешь, крепче спишь... Узнает потом, когда всё будет сделано...

Она стояла на остановке, думая о снохе, внуке и о том, что его пора потихоньку готовить... В деревне уже смеркалось, когда рейсовый автобус прибыл из города. Навстречу ей двинулся угловатый подросток...

— Женечка...

— Привет, ба.

— Ну как ты? Хорошо доехал?

Она потянулась, чтобы обнять внука, но тот отстранился...

— Нормально... Доехал...

— Вот и славненько. Вот и молодец!

Всю ночь бабка что-то шептала, будто с кем-то разговаривала. Что-то громыхало и неприятно пахло из её комнаты...

Утром Женька проснулся с головной болью...

— Баб, ты чего всю ночь там нащёптывала...

— Да это приснилось тебе, внучек.

— Ага, щас...

— Ну, раз пошел такой разговор, скажу. Я, как ты знаешь, кое-что умею. Ты подумай. Я ведь тебе добра желаю. Многому тебя научить могу. Если согласишься, конечно. Чую я, наш ты... Получится у тебя... Понимаешь, это ведь власть. Тебе понравится... Хочешь, будут за тобой девчонки ходить, в рот тебе заглядывать. А захочешь, можешь наказать так, что мало не покажется, и никто не узнает, что это ты сделал...

— Чё, и училка можно, к примеру, чтоб заболели все?

— Можно. А можно и похуже чего...

— Ого! Бабуль, ты прям Волан-де-Морт.

— Да куда ему до меня...

Она рассмеялась. Но взгляд её был серьёзен...

У мальчишки мурашки поползли по коже от этого взгляда. Он поёжился.

— Ну что, будешь учиться?

— Не знаю... Папка говорил... Плохо это...

— Что тут плохого! Подумай. Время есть...

— Как в школе дела твои?

— Да, не очень... Училки придираются, математичка вообще зверюга. Чуть что — два. А сама только и знает, что тесты да самостоятельные давать. Ничё не понимаю, как она объясняет. И классуха воспитывать достала. Хоть бы они куда-нибудь делись...

Старуха загадочно посмотрела на внука...

— А как зовут-то их?

— Елена Ивановна и Наталья Петровна. А что?

— Ничего. Увидишь потом, как хорошо кой-чего уметь то.
Она потрепала его по льняной голове...

Каникулы пролетели быстро. И неожиданно для Женьки, весело. Погода стояла чудесная, солнечная. И морозец небольшой. Так что Женька успел и на лыжах накататься и с местными ребятами поиграть... Бабуля больше тому щекотливую не затрагивала, и вела себя как и все бабушки, закармливая внучка вкусностями и выпечкой... Только под Рождество уходила куда-то. Но не в храм...

В город Женька вернулся вместе с бабулей. Вечером она деловито собрав свои «инструменты» ушла. Вернулась довольная, с мандаринами и красивыми яблоками. Два яблока лежали в отдельном от всех пакете. Утром, когда парнишка уже выходил в школу, она остановила его на пороге: «Женя, вот яблочки, дай своим училкам, угости». Мальчик удивился.

— Каким, баб?

— Ну, тем, Елене и Наталье...

— Зачем?

— Ты дай, если хорошо учиться хочешь.

Тот, пожав плечами, взял яблоки.

— Что, бабуль, полюбят меня училки, да?

— Увидишь...

В глазах ребёнка, это казалось каким-то волшебством... Он отдал яблоки. Только то, что случилось потом, не давало покоя парнишке всю его оставшуюся жизнь...

Уже на следующий день в школу не пришла ни Наталья Петровна, ни Елена Ивановна. Заболели. Не пришли они и через неделю и месяц... Потом пошли слухи по школе, что произошло что-то странное — у обеих онкология...

Женька не находил себе места. Неужели это он виноват?... Как же так. Он думал, что это всё так, ерунда... А здесь... Однажды ночью приснился отец. Он долго смотрел на сына встревоженно и с грустью. А потом тихо произнёс: «Женёк, сына, ты только не соглашайся... Не надо... Душа у тебя — добрая... А согласишься, будешь всю жизнь жалеть». И исчез... А мальчишка ещё долго не мог уснуть, ворочаясь в постели с боку на бок... Как быть... Бабушка — то не отстанет... А утром она позвонила.

— Ну как, внучек, яблочки подействовали? Училки не достают больше...

— Ба, ну ты чё, вчера сказали что болеют они сильно, обе...

— Ну и вот! Помогла же я тебе избавиться от них. И ты так сможешь, если учиться согласишься...

— Нет! Не буду я такому учиться! Я думал... А ты... Сделай всё обратно!

— Обратно поздно уже...

— А ты зря отказываешься. Тебе же хуже. Отец твой такой же... В деда пошли, глупцы... Вот Танюшке передам знания... Пожалеешь...

— Не пожалею... Не буду я... Отстань...

— Я не тороплю... Подумай, Женя...

Мальчик бросил трубку и разревелся...

В комнату вошла мама.

— Ты чего это? Что случилось?

— Ничего...

— Кто звонил?

— Бабушка... Хочет, чтобы я у неё колдовству учился...

— Совсем она уже что ли, с ума сошла... Ерунда какая-то...

— Не поеду к ней больше...

— Ну ладно...

Она удивлённо посмотрела на сына. Покачав головой, продолжила сборы на работу...

На весенние каникулы баба Маня опять начала звонить. Звать к себе. Но мальчишка отказался... Бабушка звонила ещё и ещё... Тот держался... Но почему-то ему стали сниться страшные сны. Он частенько просыпался от собственного крика... Так прошла весна, наступило долгожданное лето... В один из дней раздался звонок. Мальчик взял трубку. Звонила папкина сестра, тетя Катя.

— Алло...

— Здравствуй, Женя. Мама дома?

— Привет, тетя Катя... Нет, на работе.

— Жень, у меня новости плохие... Бабуля совсем плоха. Месяц назад плохо почувствовала себя. Похоже, пора ей помирать пришла... Из больницы домой забрали... Две недели уже дома, хрипит, стонет. Умереть никак не может...

Она заплакала...

— Приехать надо бы вам... Попрощаться...

Женька поёжился... Тоже заплакал...

— Ладно...

На следующее утро Женя и его мать были уже в деревне. Бабушка лежала на своей кровати. Исхудавшая, не похожая на себя...

— Женя... Внучек... Приехал... Подойди. Хотела я тебя научить... Прежде... Ну ничего, справишься...

Мать взглянула на старуху с укором.

— Не дам сына... Не смей!

Повернулась к мальчику: «Женя, попрощался, иди на улицу»...

— Подойди... Просто дай мне руку... И всё... Не бойся...

Женька отступил на шаг назад... Рядом стояли тетя Катя и Таня...

— Больно мне... Дай... Руку...

Вдруг, оттолкнув двоюродного брата, вперёд, к постели бабушки подлетела Танюшка. Она схватила протянутую руку старухи. Правая рука колдуньи крепко держала левую руку девочки...

— Ну так, значит судьба...

Она тихонько что-то прошептала... Слёзы потекли из глаз девочки...

— Баба, бабуля...

Рука колдуньи обмякла. Она выпустила детскую руку из своей. Дыхание её успокоилось. Она закрыла глаза и вскоре тихо умерла... Дар, вместе с прилагающимися к нему бесами, был передан... К вечеру у Танюшки поднялась высокая температура. Её тошнило... Болело всё тело... А утром она проснулась другим человеком...

Женькина жизнь продолжалась...

МЕЖДУ НЕБОМ И БЕЗДНОЙ...

Началась эта удивительная и странная история ранним апрельским утром... Туманная дымка окутала одинокие, зияющие пустыми глазницами окон покосившиеся избушки почти заброшенной деревеньки, скрывая первые рассветные лучи восходящего солнца. Туман медленно расползлся по тёплой земле, покрывая своей непроглядной сыростью и близлежащий лесок с набухшими, готовыми выпустить свои нежные, ещё клейкие листочки, деревьями, и заросшую грунтовую дорогу, тянущуюся от дома Петровича, придавая происходящим в доме событиям загадочности и драматизма...

А случилось вот что...

С некоторых пор, мужик жил один — в родительском домишке — старом, заброшенном, уж лет двадцать как. Он перевез туда все свои нехитрые пожитки, после того, как его выставила за порог жена Петровича, Ирка, которая за много лет их совместной жизни смертельно устала от бесконечных пирушек мужа. Да и с работы Виктора Петровича, вышедшего не так давно на пенсию, тоже вежливо попросили. А поскольку идти ему было совсем некуда, тут и обосновался. Жил дедок огородом. Изредка выбирался в ещё жилое село, расположенное, на расстоянии трёх километров от его Ивановки, по соседству — за провизией. Вчера то, он как раз и затарился, набив полный рюкзак крупами, тушенкой, хлебушком и, конечно же, на остатки пенсии прихватил у одной местной разбитной бабки «запас» на будущее. Еле донёс до дома, останавливаясь чуть ли не каждые пятьдесят метров, чтобы отдышаться...

Добравшись домой, Петрович наскоро сварганил на печке ароматной, урожая прошлого года, картошечки, открыл банку кильки в томате, налил, потом еще... А под утро... Вот...

Сердце старика не выдержало. Оно сначала забилось сильно — сильно, потом сжалось пронизанное, невыносимо острой болью, а потом стало биться все реже и реже... Петрович потерял сознание. Помочь ему было совсем некому. Помирал наш Петрович самым настоящим образом.

В это время, на наблюдательном пункте, где-то в самой глубине ада замигала небольшая красная лампочка. Старый бес, щуплое тельце которого, было покрыто свалывшейся кое-где, давно не чёсанной, висящей колтунами шерстью, вытер шершавой ладонью мокрый от слизи нос и громко крикнул: «Сивый, кажись готов скоро будет, твой то!».

«Кто?», — потёр лапищи довольно упитанный бес, по имени Сивый, посверкивая красными, близко посаженными глазами на плешиевой башке, с отбитым, лет триста тому назад, рогом... Сивый получил свою кличку за свою многолетнюю активную деятельность и успехи в деле введения в грех несчастных людишек, которые даже не подозревали о том, что он и есть виновник всех их бед...

— Во, смотри, — бес увеличил привычным движением руки карту на огромном планшете, — твой же участок?

— Ага. Точно мой — Петрович. Я его уж лет двадцать окучиваю. Сколько я ему на ушко нашептывал... Все, я погнал, давай, покедова, а то пернатые опередят ещё, весь труд насмарку будет... Надо брать, пока «тёпленький»... Может премию дадут!

Тот кивнул в ответ: «Удачи!»...

Когда он прибыл на место, сердце бедолаги ещё билось — тук, тук, тук... Сивый протянул когтистую лапу к телу Витька...

— Чё, пошли что ли...

Петрович увидел перед собой страшную рожу и испугался не на шутку. Душа мужика встрепенулась, схватилась из последних сил за почти не дышащее уже тело. Сердце забилось быстрее.

— Пошел ты... Не пойду!

— Не, ну начинается! Пошли, сказал!

Он, схватил за грудки дрожащего, испуганного Петровича, пытаясь вытянуть из тела. Тот сопротивлялся, как мог, пытаясь удержаться. Получалось плохо. Но Витёк держался из последних силёнок.

— Иди ты... Не пойду, отстань!

И тут, в самый неподходящий для беса момент явился необыкновенной красоты мужчина с пронзительно синими глазами — Хранитель. Он осветил объятую сумраком комнату исходящим от него золотистым сиянием.

— А ну оставь его! Прочь отсюда!

— Я первым пришел! Чё ты?! Он наш, давно уже!

— Прочь, я сказал!

— Если ты такой добренький, чё тогда довёл его до такого состояния!

— Это ты довёл. И вообще... Ему каждый раз давали выбор!

— Во-во, выбор, — осклабился Сивый, — а он меня слушал. Наш значит!

— Ну, достал! Не твоего ума дело, понял.

Ангел поднял руку.

Вдруг, бес умоляюще заныл: «Да будь ты ангелом, Хранитель! Войди в положение! Мне только год назад разрешили наверх выходить, меня из-за этой чепухи опять под землю упекут. Как я без него приду! Ну сам же понимаешь, что он не сегодня, так завтра окочурится мог и без моей помощи!

— Закон есть закон, — нехотя отмахнулся Хранитель, — вы имеете полное право забирать души самоубийц. А на всех остальных ваша власть не распространяется!

Сивый оживился, подошел ближе к Хранителю и зашептал: «Слушай, а если я тебе расскажу кое-что интересное, отпустишь нас с Петровичем?»

— Ну?

— Там наши... Ну эти, анчутки с кикиморами... Короче, сговорились, хотят боссу подарок сделать...

— Какой подарок?

— Ну это... Хотят прогулочный катерок с детишками затопить. Там они уже дырку в обшивке сделали, и в моторе чего то там...

И тут, в самый разгар разговора, так сказать, добра и зла, получивший передышку Витёк с бешеной жаждой жизни, сначала с трудом, потом все глубже и глубже задышал и вдруг открыл глаза.

— Я живой? А? Или чё?

— Живой, живой, — кивнул Хранитель, — постой... Ты что, видишь нас что ли?

— Вижу...

— Странно... Живой же... Не должен видеть. Вроде и не святой и не юродивый какой... Может побочка от воскрешения?

Ангел задумчиво покачал головой и повернулся к Сивому. Вот. Видишь. Ему Высшая инстанция отсрочку дала. А про секретик твой, наши давно уже всё знают, — он махнул с омерзением в сторону беса сияющей рукой, — изыди...

— Так я же...

— Сгинь, сказал!

Ангел поднял руку и всё же щёлкнул пальцами. Тот весь сжался, будто его ошпарило кипятком, взвыл и через секунду, с визгом испарился.

— Надо же, видит... А не должен, — он задумчиво посмотрел прямо в глаза своего спасёныша, отчего у деда закружилась голова, — ладно, мне пора. Увидимся ещё. И это... — он указал взглядом на стол Петровича, — не советую...

— Ага. Как же... После такого...

Он потянулся к баклажке. Ангел вздохнул. Потом ещё раз щёлкнул пальцами. В рот нашего героя полилась чистейшая родниковая вода.

— Не понял. Ты чё это сделал! Я на последние покупал, деньги тратил...

Он повернул голову в сторону Хранителя, но тот исчез, будто его и не было. Петрович снова попытался отхлебнуть. Опять вода... Взял бутылку, понюхал — вода! Обычная вода...

— Да чё такое то, а?!

Потёр виски.

— Может приснилось? Или белочка?

Ответа не нашлось... Достал старенький кнопочный телефон и полез на крышу. Сигнал ловил только там. Потом набрал номер участкового, и по совместительству зятя, Димасика, которого мужик, по понятным причинам недолюбливал. После долгих гудков в трубке раздался голос зятя.

— Алло?

— Димон, эт я, тесть твой.

— Да понял уже, — он замолчал в ожидании, — ну?

— Я это... Хотел тебя предупредить... В общем, сегодня на рассвете поплохело мне. Думал всё... Помру...

— Приехать?

— Не... Я ничё уже, нормально. Ты дослушай. Явилась мне пара, странная. Один весь какой-то чёрный, с рогами ещё. Ряженный, что ль... А второй вообще светится...

Димка аж пошатнулся, подумав, что всё, хана тестю...

Но вслух, конечно ничего не сказал.

— И чего? Чего хотели то?

— Так это. Я вот и звоню тебе. Они там меж собой разбирались. И тот, который светится мне п..о в воду превратил. Но я не об этом... Ему рогатый говорит, мол анчутки какие-то иль бандиты, не понял я... Вроде бы, хотят катер потопить сегодня, с детьми. Ты б это... Узнал, что ль, а то мало ли...

— Бать... Ты б завязывал, а?

— Да я тебе говорю...

— А ты случайно не в Луговом отоварился?

— Ну...

— Там с утра сводка пришла — трое на тот свет отправились. Так что повезло тебе ещё. В больничку бы тебе. Сейчас приеду...

— Да всё нормально со мной. Ты вон, проверь сведения то, а то мало ли...

Через пару часов в доме Петровича уже толпились жена, зять и дочка. Почти силой усадили мужика в машину и повезли в больницу. Петровичу даже стало приятно такое внимание со стороны родственников.

В больнице, взяв анализы, ужаснулись и оставили на лечение. В палате Петрович быстро заскучал. Прошёлся по коридору. Присел на массивный диван, обитый дерматином, стоящий напротив выключенного телевизора. Вдруг, внимание его привлёк знакомый голос. Поднялся. Приблизился к двери. Прочитал: «Операционная».

— Мужчина, посторонитесь.

Петрович прижался к стенке. На каталке мимо него везли молодого парнишку. Следом прошёл врач, рядом с которым шёл ни кто иной, как его знакомый Хранитель. Он громко, прямо в ухо врача говорил, что ему нужно сделать, выкрикивая какие-то медицинские термины. И двинулся за своей подопечной следом. Витьку сразу стало ясно, что врач этот теперь сделает всё как надо...

Через пару часов Петрович увидел Хранителя. Он выходил из операционной. Уставший, на лбу его поблёскивали капельки пота.

— Ну? Помог хоть?

Тот устало кивнул.

— Всё будет хорошо. А ты всё ещё меня видишь?

— Вижу вот...

— Значит правда всё?

— Ага... Пойду. Деток ещё спасать...

— Может помочь чем?

— Можешь. Мы бы и сами справились, но уж больно много людей. Хранителей не хватает...

— Так училку отвлеки, да и всё. Куда они без неё.

— Заменить могут. Не вариант.

— Ладно. Пора действовать. Съезди к ней, задержи. Вот адрес, — он написал на листке идеальным почерком адрес, — а я к другой, из третьего «Б»...

Петрович прочитал адрес.

— Шутишь что ли?

— В смысле?

— Это ж дочка моя. Светлана Викторовна Кукушкина. Это она по мужу.

— Вот и иди, спасай дочку и детей.

Петрович метнулся в квартиру дочки со скоростью, на которую и не думал, что способен... Долго звонил в дверь. Но ему никто не открыл. Судорожно набрал номер Светочки по телефону.

— Алло!

— Привет, пап. Давай, я попозже тебе наберу. Мне некогда сейчас. У тебя всё нормально?

— Да какой там нормально, — заорал в трубку Петрович, — там бесы аварию подстроить хотят. Дочь, не ездь! Не садитесь на теплоход! Это опасно, Светланка!

— Ладно, пап, — дочь тяжело вздохнула, — ты отдохни главное.

— Я тебе говорю, мне Ангел сам сказал!

— Да, да, пап, не будем садиться. Пока. Я вечером заеду в больничку. Все будет хорошо. Мне пора. Мы сейчас в краеведческий музей идём.

— А на реку?

— Позже.

— Не ходи, Светланка.

— Не, па, не пойду.

Света горько усмехнулась и отключила телефон. «Бедный папка», — подумала она и снова тяжело вздохнула. Потом тряхнула головой: «Так, ребята, строимся по двое»...

— Да чё такое то!

Он вышел из подъезда и двинулся в сторону школы. Но там ему сказали, что дети уже ушли. Потом его озарило. Нужно бежать к пристани. Остановил первое попавшееся такси. Не помня себя, подлетел к небольшому прогулочному теплоходу. Никого ещё не было. Он огляделся. Вдоль пирса прогуливались в ожидании капитан и его помощник. Петрович кивнул.

— Здоров, мужики.

— Здравствуйте.

— У меня к вам дело. У вас там пробоина и в моторе чего-то.

Мужики переглянулись.

— Откуда информация?

— Так... Знаю и все. Не сажайте пассажиров.

— Иди, дед, куда шел...

— Да чего вы, говорю же. Точно знаю!

— Иди, а то полицию вызову!

— Вызывай! Только не плывите сегодня!

— Так тебя не спросили...

Петрович отошел, не зная, что ещё предпринять. И вдруг увидел, как из-за угла речного вокзала выглядывает его старый знакомый, тот, что с одним рогом на проплешине... Сивый, несмотря на то, что заложил своих товарищей, прятался неподалёку в ожидании поживы. «Столько невинных душ. Когда ещё так повезёт. Может и мне хоть одна перепадёт», — думалось чертеньке.

Петрович сощурил глаза.

— Ах ты гад такой! Чего трёшься тут?

— У тебя не спросил. Вашё, скажи пернатому спасибо! А то бы...

— А хочешь я с тобой по доброй воле пойду?

— Конечно! Пошли!

— Сперва помоги детей спасти.

— Чё я тебе, старик Хоттабыч.

— Ну как знаешь... Я бы даже душу продал тебе.

Сивый обрадованно осклабился. Ну не ожидал он такой удачи! За такое точно премию выдадут!

— Что делать то?

— Вон тот если не сможет кораблём управлять, не состоится поездка же?

— Ну...

— Стой здесь.

Дедок уцепился за единственную, пришедшую в его не совсем здоровую голову идею...

— Можешь соблазнить его? И команду... На всякий случай.

— А точно подпишешь контракт?

— Не сомневайся. Но сперва сделай свою часть!

Бес, будучи виртуозом своего дела, в одно мгновение уменьшившись в несколько раз, оказался за левым плечом капитана теплохода и начал вдохновенно нашептывать тому что-то

на ухо. Глаза мужика затуманились. В это мгновение, к ним подошел улыбающийся Петрович. Че, мужики, может на троих?

— Давай, а чего...

Они нашли укромный уголок на набережной. Когда капитан уже был доведён до кондиции, Петрович, будучи трезв как стёклышко, благодаря Хранителю, вкрадчиво произнёс: «А как же теперь поплывёте то?»...

Капитан глянул на помощника.

— И правда... Чего это мы, а? Ещё же смену сдавать...

Тот в ответ только пожал плечами.

— Не знаю босс..

— Там, в машинном отделении, какая-то небольшая поломка была. И небольшая течь. Мы рейс отменили.

— Ага, подтвердил второй, — отменили.

— А и не нужно вам сегодня никуда. Точно говорю! Сам Хранитель сказал.

— Кто?

Петрович только махнул рукой и опустив плечи, двинулся прочь.

— Это куда ты собрался?

— В больницу.

Рядом с Витьком шагал Ангел.

— Тебе ещё чего...

— Поблагодарить пришел.

— А... Обломились анчутки ваши.

— Всё знаю. Как ты пытался помочь.

— Да я душу продал черту этому, — закричал Петрович, — а ты... Сказать не мог?

— Я тоже сложа руки не сидел.

— А ты молодец. Да и не продал ты ничего.

— Как это не продал?! — раздался голос откуда ни возьмись возникшего, Сивого, — он обещал!

— Документ покажи?

— Ну... Нету... Пока...

— И не будет. Сгинь отсюда. Теперь уж Виктор точно не ваш! Ты знаешь правила. Он готов был принести жертву свою жизнь вечную. А потому — спасён!

Хранитель и Петрович дошли вместе до больничного двора.

— Пора прощаться...

— Ну... Не поминай лихом!

— Ещё увидимся.

— Ты это... Мож вкусовые ощущения хоть вернёшь, а?

— Не, — рассмеялся Хранитель, — не могу. Я твоей жене обещал... Знаешь, она ведь о тебе молится... Смотри, — он указал рукой на стоящих людей у дверей больницы, — тебя ждут... Там Петровича и правда ждали жена, зять и внучка, Леночка... Он подошел к ним.

— Вить, возвращайся домой...

— Ой, а вы все тут, — подбежала к ним Света, — а я детей распустила по домам и к тебе. Там у них что-то с теплоходом...

Ангел помахал Витьку рукой и исчез. Больше его Петрович не видел... В этой жизни...

НОЧЬ В ПРИЗРАЧНОМ ПОМЕСТЬЕ

Сергей поставил в машину последнюю сумку и повернулся к своей жене Ленке: «Ну что, готова?» Та улыбаясь ответила: «Еще как готова!»

— А документы не забыла взять?

— Все в машине уже, погнали...

Счастливые молодожены уселись в свою новенькую приору и двинулись в путь. Два месяца назад они поженились. А вот свадебное путешествие решили отложить до отпуска. И вот, наконец, этот долгожданный день наступил. Решили поехать к морю...

За окном проносились чудесные пейзажи нашей необъятной Родины... Широкие, раскинувшиеся до самого горизонта поля гречихи, подсолнечника, кукурузы проносились за окном, оставляя в душе радостное ощущение, предчувствие того, что впереди ждут еще целые две недели счастливых, беззаботных дней отпуска...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.